

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильяшенко А.Ф. Александр I о роли русской армии в поддержании мира в Европе в 1815–1825 гг //

Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.73810 EDN: JPQCHK

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73810

Александр I о роли русской армии в поддержании мира в Европе в 1815–1825 гг.

Ильяшенко Александр Филиппович

ORCID: 0009-0001-0760-1517

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ведущий специалист; Отдел внеучебных программ; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет

115184, Россия, г. Москва, р-н Замоскворечье, Большой Овчинниковский пер., д. 22 стр. 1, кв. 1

a.iljaschenko@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.2.73810

EDN:

JPQCHK

Дата направления статьи в редакцию:

23-03-2025

Аннотация: В статье рассматривается комплекс идей и представлений императора Александра I о русской армии в контексте его внешнеполитической концепции, направленной на поддержание вечного мира и укрепление безопасности Европы после победы над Наполеоном Бонапартом. На основе различных законодательных актов, делопроизводственных документов и личных источников рассматриваются символические, включая религиозные — эсхатологические и мессианские — аспекты публичной презентации русской армии в 1814–1815 году. Также анализируется проект всеобщего пропорционального разоружения в 1816 г., и принципы, сформулированные на конгрессе в Троппау в 1821 году, касающиеся использования военной силы и интервенций в других странах для восстановления порядка и возвращения законных правителей после роста революционных движений. Методология исследования, основанная на принципах историзма, системности и научной объективности, позволяет глубже понять контекст и последствия действий императора Александра I. Публичные акты 1814–1815 годов сочетали в себе военную атрибутику и массовые символические

богослужения в соответствии с идеями Священного союза, который составлял основу системы коллективной безопасности императора Александра. Его значимая общеевропейская миротворческая инициатива по всеобщему разоружению не получила поддержки других стран. Иностранные дипломаты предложили России начать разоружение самостоятельно, что было невозможно в силу востребованности крупных военных сил для поддержания обороноспособности. В статье впервые проанализирована роль и образ русской армии во внешнеполитической концепции императора Александра в указанные годы, а также предлагается вывод о том, что русская армия выступала в этом процессе в качестве общесоюзных европейских сил, находящихся в оперативной готовности для действий в интересах общего умиротворения.

Ключевые слова:

Александр I, русская армия, Священный союз, всеобщий вечный мир, европейская безопасность, образ русской армии, проект разоружения, публичные богослужения, конгресс в Троппау, миротворчество

В исторической литературе сложился противоречивый образ императора Александра I, в особенности, его намерений во внешней политике во второй половине царствования. Поздние представители либеральной ветви отечественной дореволюционной историографии [1], а также некоторые современные российские исследователи [2, 3] считают, что за христианскими идеями в политике и за созданием Священного союза император скрывал свои экспансионистские намерения. Представление о двуличии и корыстных целях Александра Павловича разделяли многие представители западной историографии [4]. К настоящему времени, в образе императора потомки и исследователи, например А. Ю. Андреев [5] и Э. К. Виртшафтер [6], зачастую видят миротворца, который, руководствуясь христианскими идеями, стремился к прекращению и предотвращению конфликтов в Европе, хотя и был вынужден поддерживать военные интервенции в революционные страны. Действительно, в период с 1815 года до смерти Александра I российские войска не участвовали в крупных вооруженных конфликтах на западной и южной границе. Тем не менее широко декларируемое миролюбие и соответствующие действия российского императора требуют пояснения в контексте его внешнеполитической концепции и роли, которую играла в ней русская армия.

Первый опыт обращения императора Александра к идее постоянного мира и конкретным способам его достижения в российской внешней политике состоялся в 1804. Близкий друг царя Н. И. Новосильцев был направлен в Англию с особыми неограниченными полномочиями для переговоров с одним из инициаторов антифранцузской коалиции премьер-министром У. Питтом-младшим. Миротворческий проект Александра, сформулированный одним из близких «молодых друзей» царя и главой министерства иностранных делом князем А. Е. Чарторыйским, был нацелен на создание союза России и Англии для противостояния Франции и Наполеону, который незадолго до этого провозгласил себя императором. После победы царь предлагал осуществить ряд мер для формирования надежных и долговременных основ будущего спокойствия Европы. Император Александр оговаривал, что «идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире, но все же можно было бы во многом приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира» [7, с. 148]. Предложения царя включали радикальные изменения границ

европейских государств, установление конституционных основ государственного строя в странах, перенесших революцию, введение общеобязательного кодекса международного права и другие меры по стабилизации международной обстановки и закреплению мирного состояния Европы. В проекте императора Александра малые державы не рассматривались, как полноправные и самостоятельные участники европейского политического процесса с правом голоса. Царь предложил Англии сохранить союз после победы над Наполеоном для гарантии сохранения нового мирового порядка, чтобы «те, кто вознамерился бы посягнуть на него, рисковали бы иметь дело с объединенными вооруженными силами нового союза» [\[7, с. 148\]](#). Таким образом, гарантировать новое мироустройство и долгий мир должны были военные силы двух сильнейших государств.

Проект Александра I в основных своих положениях не был реализован, а созданная в 1805 году антифранцузская коалиция потерпела поражение от Наполеона. Следующее десятилетие прошло для Российской империи в непрерывных войнах и при постоянной угрозе со стороны усиливающейся Франции, не оставлявших возможности для выдвижения и реализации масштабных международных миротворческих проектов.

Новой благоприятной эпохой для таких предложений стал период после победы над французским императором. В это время главной целью внешней политики императора Александра стало установление вечного мира. Его основу должна была составить система международных договоров, христианские принципы Священного союза, военная и дипломатическая сила Четверного (затем Пятерного) союза, новые принципы международной политики и другие компоненты, которые в совокупности формировали систему коллективной безопасности, особую роль в которой играли военные силы. Завершение многолетних войн и поражение главного противника европейского спокойствия император Александр воспринимал, как начало новой эпохи, сущностным качеством которой должен был стать всеобщий вечный мир.

Образ и репрезентация российской армии в 1814-1815 годах

Особую роль в победе над Францией сыграла русская армия. В манифестах и приказах императора Александра неоднократно отмечалась роль России, как освободительницы Европы. Торжество мира было неразрывно связано с русской армией, и царь стремился закрепить это не только в публичных документах, но и в публичных действиях. В 1814 году такой репрезентацией послужило триумфальное вхождение союзных войск в Париж, контрастировавшее в восприятии современников с вступлением Великой армии в опустевшую и разгорающуюся Москву. Русская гвардия во главе с императором Александром маршировала «в полной парадной форме» [\[8, с. 133\]](#), а обозы армии были специальным приказом отправлены позже через малые улицы, чтобы не портить впечатление парижан. Спустя несколько дней в день Пасхи по православному исчислению на бывшей площади Революции, где был казнен король Людовик XVI, состоялся, по словам царя, «апофеоз Русской славы между иноплеменниками» [\[9, с. 99\]](#). Торжественное богослужение началось с того, что император Александр I и прусский король «объехали линию войск, расположенную около сада и по смежным улицам, а потом войска стянулись в колонны и построились в каре на площади» [\[10, с. 656\]](#). В этом действии участвовали русская, прусская и французская гвардия, но богослужение совершили русские православные священники. В конце богослужения они в сопровождении монархов окропили войска святой водой. «По неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое Русское воинство для того, чтоб в земле иноплеменников, ... на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе

торжественную молитву Господу» [\[9, с. 99\]](#), рассказывал об этом князю Голицыну сам царь. Император Александр воспринимал себя, как предводителя посланного Богом христианского войска, которое, победив врага, увенчало победу очищением преступления французского народа. Более тридцати тысяч русских солдат и офицеров и множество парижан стали свидетелями того, как «сильнейший Государь в свете ... благодарит Творца вселенной за ниспослание силы и крепости оружию его» [\[11, с. 251\]](#), — такой образ запечатлел один из участников богослужения. Несомненно, император Александр и его войска были центральными фигурами этого торжественного богослужения, которое символически закрепляло достижение мира. В царском манифесте 1 января 1816 года, составленном государственным секретарём А. С. Шишковым еще в 1814 году, подчеркивается российская сущность этого молебна и совершающего его клира, а также раскрывается его значение: «тако водворяется на землю мир, кровавые реки перестают течь, вражда всего Царства превращается в любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушием, и пожар Москвы потухает в стенах Парижа» [\[12, с. 427\]](#). Апофеоз русской армии, торжество ее предводителя православного царя отражало религиозное восприятие произошедших событий, а также закрепляло образ освободивших Европу российских войск.

В 1815 году после бегства Наполеона с острова Эльба последовала еще одна военная компания, завершившаяся окончательным разгромом войск французского императора. Основные силы русской армии не успели вернуться во Францию ко времени решающего сражения при Ватерлоо и не участвовали в этой войне, кроме отдельного отряда под командованием генерал-адъютанта А. И. Чернышева, который захватил г. Шалон-сюр-Марн. Однако в конце лета войска Российской империи находились возле Парижа, где вновь собрались военные силы и предводители коалиции. Император Александр, покинув Вену, где проходил общеевропейский конгресс, сопровождал войска в Германии и Франции. Период лета и осени 1815 года стал ключевым для создания системы общеевропейских договоров, скреплявших новый мировой порядок. В это время царь знакомится с известной проповедницей мистического христианства баронессой Юлией фон Крюденер и становится ее постоянным собеседником. Находясь в Париже, царь работает над составлением религиозно-идеологической платформы системы коллективной безопасности — Акта о Священном союзе. Замысел о нем возник у Александра I в один из тяжелейших периодов борьбы с Наполеоном — после поражения под Дрезденом, то есть в одно время с идеей возглавить войска коалиции в роли символического главнокомандующего [\[13, с. 112-113\]](#). Текст Акта имел религиозно-мистические корни, связанные с личными духовными переживаниями и изменениями, который претерпел император Александр во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов. В то же время события 1814 и 1815 годов — тяжелые переговоры на Венском конгрессе и антирусская коалиция недавних союзников, неожиданное возвращение Наполеона и его трехмесячные успешные действия вызвавшие самые серьезные опасения, повторная победа и занятие Парижа — все это углубляло религиозное осмысление царем происходящих событий. Идеи и слова Крюденер, как и других христианских мистиков, попадали на благодатную почву в его душе. В значительной мере эсхатологические, мессианские и универсалистские идеи мистиков, связанные с борьбой избранных христиан с духовным злом в мире, были усвоены и интерпретированы императором Александром при подготовке Акта о Священном союзе. Прежде чем он был завершен и подписан состоялось еще одно публичное массовое мероприятие, в котором главную роль играли русские войска.

В Верту на Марне 26-30 августа прошли маневры и грандиозный смотр русской армии, с

участием более 150 тысяч солдат и более 500 орудий [\[14, с. 89\]](#). Император Александр использовал это действие для того, чтобы выразить благодарность своим войскам, а также продемонстрировать их силу и превосходство. Штаб русской армии тщательно планировал эти маневры, а царь лично вникал в их подробности, поскольку «хотел представить армию Свою перед глаза и, так сказать, на суд всей Европы» [\[15, с. 71\]](#). В разговоре с королем Пруссии и императором Австрии император Александр сказал, что может собрать и более крупную армию, если он будет вынужден это сделать ради Франции [\[16, р. 202\]](#). Целью царя было «устроить политическую и военную демонстрацию как для внутренней, так и для внешней аудитории» [\[17, р. 1025\]](#), а также провести смысловую параллель между русскими войсками и состоянием мира. В присутствии союзных монархов, герцога А. Веллингтона и множества знатных гостей и простых людей русская армия продемонстрировала свою численность, боевую мощь и слаженность действий, внушая зрителям одновременно восхищение и трепет. В то же время смотр в Верту представлял собой символический акт, демонстрирующий роль русской армии в поддержании мира в Европе.

Религиозно-символическое значение смотра усиливалось его второй богослужебной частью. В последний день, в день памяти небесного покровителя русского царя благоверного князя Александра Невского на месте маневров состоялась торжественная Литургия с участием всей армии и гостей. Для этого были установлены семь алтарей, вокруг которых расположились войска. Семантика происходящего была связана со словами Откровения апостола Иоанна Богослова и представлению о начале новой эпохи человеческой истории, в которой император Александр и его войска возлагали на себя служению Богу для осуществления идей христианского братства монархов и народов [\[18, с. 144-147\]](#). Широкую трансляцию и интерпретацию религиозной стороны смотра обеспечила опубликованная на французском, русском и немецком языках книга «Лагерь при Верту» баронессы фон Крюденер, вышедшая вскоре крупным тиражом [\[19\]](#). В этом произведении борьба с Наполеоном осмысливалась, как часть вечной борьбы со злом: «Всевышний возвзвал Александра, Он повиновался гласу Его, и — Всевышний укрепил Его» [\[19, с. 5\]](#). Русская армия изображалась, как бесстрашное воинство следующее «религии любви» и заповедям Божиим, а религиозное поклонение во время смотра означало начало новой эпохи, предисловием «священной Истории, которая должна все переродить» [\[19, с. 10\]](#). Таким образом, новая эпоха была связана с наступлением мира, достигнутого и охраняемого императором Александром и его армией.

После окончания смотра Александр I обратился к своим войскам. В его приказе говорилось о том, что русские войска не успели принять участие в сражении с Наполеоном, но их поход от Двины до Сены подтвердил, что «Россия не противится миру Европы и что, несмотря на огромное расстояние, вы [русские воины — А. И.] всегда готовы выступить в поход за справедливость, куда бы ни позвал вас голос вашей страны и вашего государя» [\[16, р. 201\]](#). Второй раз за два года русские армии пришли к Парижу, и слова царя подтверждали готовность использовать эти силы ради поддержания справедливости и мира. Соединение грандиозной военной и религиозной демонстрации соответствовало представлениям императора Александра о его христианском и братском долге по поддержанию мира в Европе. Не удивительно, что день смотра в Верту он называл самым счастливым днем своей жизни, который он никогда не забудет [\[20, р. 36\]](#).

Вскоре после этого события был заключен Священный союз. Текст Акта о Священном союзе император Александр составил в июле 1815 года в Париже, причем в его

обсуждении участвовала баронесса фон Крюденер и ее ближайшие последователи [\[20, р. 36-38\]](#). После редакционной правки А. С. Стурдзы и графа И. А. Каподистрии, а также содержательных изменений, внесенных князем Меттернихом, трое союзных монархов подписали этот «Апокалипсис дипломатии», как назвал его мыслитель и публицист аббат Д. Прадт. В Акте о Священном союзе упоминаются военные силы: монархи-участники союза обязуются оказывать друг другу содействие и помочь, отечески относится к своим народам и войскам и управлять ими в духе братства «для охранение веры, мира и правды» [\[12, с. 279\]](#). Причем, в первоначальном проекте императора Александра эта статья была сформулирована более конкретно. Царь отдельно выделял войска союзных монархов, которые «одинаково будут почитать себя не иначе как частью одной армии, призванной охранять религию, мир и справедливость» [\[21, с. 505\]](#). В проекте Акта Александр предлагал воспринимать войска коалиции, победившей Наполеона, как одну армию, стоящую на страже мира, веры и законности. Именно эти слова были заменены князем Меттернихом на более обобщенную формулировку в противовес замыслу русского царя.

Несмотря на стремление ко всеобщему миру и интерес к разоружению император Александр неоднократно использовал свою армию, как аргумент на международной политической арене. Будучи талантливым дипломатом и проницательным политиком, Александр понимал, что дипломатия должна опираться на силу. Во время сложных переговоров о будущем Польши на Венском конгрессе Александр в разговоре с хозяйкой популярного политического салона Екатериной Богарне ясно дал понять, что не намерен отказываться от занятых им территорий: «Польша наша. Она должна остаться нашей; я никогда не откажусь от нее. Я занял ее с двухсоттысячной армией; увидим, кто прогонит меня оттуда» [\[22, с. 141\]](#). Эта аргументация, моральное воздействие при упоминании победоносной русской армии и решимость императора Александра, действительно, способствовали вхождению Царства Польского в состав Российской империи по результатам Венского конгресса. Получение территории Польши, по словам императора, имело военно-стратегическое оборонительное значение для России: этим присоединением ограждается «безопасность, возникает твердый оплот, наветы и вражеские покушения отражающий» [\[12, с. 118\]](#) подвластных царю земель, говорилось в изданном 9 мая 1815 года в Вене манифесте. Этим он также аргументировал необходимость передачи ему польских земель на Венском конгрессе, отвергая обвинения английского министра иностранных дел Каслри в захватнических устремлениях [\[21, с. 122, 129\]](#).

В 1815-1818 годах около тридцати шести тысяч русских солдат под командованием графа М. С. Воронцова осталась во Франции в качестве экспедиционного корпуса [\[23\]](#) в составе оккупационной армии коалиции под общим командованием герцога А. Веллингтона. Войска были оставлены, согласно Парижскому миру договору 8 (20) ноября 1815 года, в котором признавалась «необходимость оставить на определенное время в пограничных провинциях Франции некоторое количество союзных войск» [\[24, с. 291\]](#), точное число которых и распределение между странами антинаполеоновской коалиции определялось конвенцией, сопровождавшей договор. Эти войска должны были укрепить положение династии Бурбонов, предохраняя таким образом Европу от повторения таких ситуаций, как революция или возвращение Наполеона. Изначально предполагалась пятилетняя оккупация войсками общей численностью в 150 тысяч человек, но в договоре была оговорена возможность сокращения этого срока, если будут устраниены причины для этой предосторожности. Помимо мира, который союзники заключили с

Францией, в тот же день состоялись подписания союзных договоров между великими державами, в которых также упоминалось размещение оккупационной армии. В первой статье договора говорится об обязательстве соблюдать заключенный мирный трактат; во второй — подтверждаются ранее принятые обязательства, согласно первому Парижскому миру и трактату 30 марта 1814 года, об утрате Наполеоном и его семьей прав на французский трон и о немедленных консультациях в случае революционных и иных выступлений во Франции для охранения «тишины и блага народов ... общего спокойствия Европы» [\[25, с. 31\]](#). Если же потребуется предпринять меры для охранения этого спокойствия, в том числе в случае нападения на оккупационную армию, то, согласно третьей статье договора, союзники обязуются немедленно выставить по шестидесяти тысячному войску или более при необходимости — четвертая статья. Эти обязательства остаются в силе и по окончанию оккупации, а для их исполнения будут проводиться особые совещания с участием союзных монархов или их представителей.

Действия императора после победы над Наполеоном не были направлена на военные завоевание или геополитическое преобладание в Европе и на Ближнем Востоке. В 1816 году император говорил австрийскому посланнику в России о нелюбви к войне: «Я слишком близко видел ее, чтобы не возненавидеть, я устал от нее ... никогда я не буду замечен в том, что вступаю в войну, если меня на это не спровоцируют, никогда ради личных интересов» [\[26, с. 5\]](#). Эти намерения император сохранил до конца своих дней, однако большинство великих держав опасались русской военной угрозы, поскольку армия Российской империи представляла собой колоссальную силу качественно и количественно. Русские солдаты под командованием выдающихся полководцев, таких как А. В. Суворов, М. И. Кутузов и плеяды более молодых генералов на протяжении нескольких десятилетий, в основном, успешно участвовали в войнах разной интенсивности в Европе и Азии. К концу наполеоновских войн большинство офицеров всех званий имели передовой опыт ведения военных действий, и их боевой дух соответствовал настроению победителей. Численный состав русской армии стремился к миллиону военнослужащих, что было невероятным числом, на порядок превышающим возможности большинства европейских стран и соответствующим совокупным возможностям в Европе других великих держав. Сопоставимую с Российской империей силу могла обеспечить только Англия, и то чужими руками — благодаря субсидиям [\[27, с. 533\]](#). В то же время, российские силы были размещены по огромному протяжению границ и территорий Российской империи, а отдельный экспедиционный корпус находился во Франции.

Проект всеобщего разоружения 1816 года

По сравнению с проектом 1804 года в миротворческой концепции императора Александра претерпело изменение значение и роль европейских государств. Он отказался от идеи европейской гегемонии двух «сверхдержав» и военной диктатуры их сил. После победы над Наполеоном царь стремился реализовать международную политическую систему, в которой каждый участник имеет право слова, а решения принимаются совместно. Общеевропейские политические решения принимаются *всеми ради всех*, а не некоторыми государствами в их частных интересах. Также от концепции «баланса сил», которая воплощалась в XVIII веке в сложной и неустойчивой системе взаимно сдерживающих друг друга противостоящих альянсов, царь предлагает перейти к «европейскому равновесию» [\[28, р. 503\]](#), сущностная характеристика которого заключалась в приоритете общих интересов и недопущении разделения мирового сообщества монархов и государств, поскольку такие расколы вызывают конфронтацию и

нарушают общий мир.

Первоначально одной из составляющих системы коллективной безопасности императора Александра после победы над Наполеоном было разоружение и уменьшение армий европейских стран. Идея императора возникла в контексте фактов и реальных действий, которые должны были подчеркнуть мирную направленность и цели Священного союза. В письме от 21 марта 1816 года британскому министру иностранных дел лорду С. Р. Каслри царь впервые в истории международных отношений [\[29, р. 89\]](#) предложил Англии одновременное сокращение вооружений европейских стран «в пропорциях, наилучшим образом отвечающих нынешней обстановке и взаимоотношениям государств» [\[30, с. 113\]](#), что должно было способствовать укреплению мира и подтверждению взаимного доверия и единства политических взглядов союзных держав. Император Александр считал Англию равным партнером и надеялся, что с её помощью ему удастся убедить другие державы принять это решение. Он считал, что разоружение послужит убедительной гарантией устойчивости нового порядка и позволит всем народам ощутить полную безопасность. В письме объясняется, почему царь не предложил разоружение раньше и не начал его проведение в собственной стране: общественная польза требует сначала оценить все обстоятельства и последствия этой меры, а также убедиться в стабильности недавно восстановленных европейских правительств. Таким образом, Александр I поставил вопрос о разоружении на повестку политического обсуждения, однако признал, что немедленное осуществление этой идеи невозможно, и подчеркнул, что такие действия не должна выполнять одна только Российская империя.

Стремление к поддержанию мира имело для российской стороны экономическое обоснование, так как использование военных сил во внешней политике требовало очень больших расходов. Фактически, Российская империя не могла позволить себе ведение вооруженных действий в Европе в ходе Завоевательных походов, если бы не английская субсидия, оплачивавшая содержание армии. Колossalная часть годового бюджета империи тратилась на вооруженные силы [\[31, с. 435\]](#).

Английское правительство в своём ответе на предложение императора Александра I выразило принципиальное согласие с идеей разоружения, поскольку оно «способно породить доверие, успокоить страсти и обеспечить подданным хотя бы некоторое облегчение их бремени» [\[30, с. 689\]](#). Однако англичане считали очень сложной задачей для переговоров установление масштаба разоружения для каждой страны, учитывая различные условия, границы и возможности восстановления вооружений. Поэтому в меморандуме британского правительства было предложено каждому правительству самостоятельно сократить вооруженные силы в той мере, которая будет сочтена возможной. По словам англичан, Австрия и Пруссия уже сократили свои войска и будет полезно для блага Европы, если Россия последует их примеру. Таким образом британское правительство, хотя и формально не возражало против предложения царя, на практике его отвергло, сославшись на сложности разоружения из-за различия в условиях стран. Кроме того, Англия акцентировала внимание на необходимости одностороннего сокращения вооружений России. Александр был готов рассмотреть этот вариант, но решил воздержаться из-за ухудшающейся международной обстановки. Также в этих переговорах стороны не затрагивали вопроса сокращения флота, который у Англии существенно превосходил военно-морские силы других держав.

Итог переговоров с английским правительством по разоружению подведен в памятной записке российского правительства от 9 июля 1816 года, которая служила инструкцией российскому послу в Англии и была сообщена союзным державам. В ней упоминается

предложение царя о всеобщем разоружении и констатируется, что английское правительство предпочитает предварительным договоренностям «реальные и эффективные меры, принимаемые каждым государством в отдельности» [\[31, с. 573\]](#), оставляя таким образом демилитаризацию на усмотрение каждой из стран. Записка сообщает, что Россия также приступила к этому процессу и уведомит о его результатах союзникам, когда этот вопрос вновь будет актуализирован. Причем, по мнению российского правительства, упоминаемая «военная реформа» вытекает из условий союзного договора 8 (20) ноября 1815 года. Имеется в виду статья VI, в которой подписавшие договор стороны условились для поддержания его положений в действии проводить встречи монархов или их представителей «для рассмотрения мер, кои во время каждого из этих собраний будут сочтены самыми действенными для охранения спокойства и благоденствия вверенных им народов и мира всей Европы» [\[25, с. 33\]](#). Таким образом, российское правительство, с одной стороны, увязывает идею о разоружении с поддержанием мира, а с другой, констатируя неготовность Англии к переговорам и соглашениям по вопросу о разоружении, предлагает отложить его до следующего конгресса союзников, о чем прямо говорит памятная записка. Демилитаризация великих держав рассматривается как часть общего мирного процесса, причем в российском документе вновь упоминается необходимость после получения фактической информации о проведенных отдельными странами разоружении выстраивания системы т.е. общего соглашения. Такая система «с общего согласия держав» зафиксирует и санкционирует процесс демилитаризации, а также будет «будет содержать в своем принципе и в самой себе самые надежные гарантии своей продолжительности» [\[31, с. 573\]](#). Российские дипломаты считали нужным поставить вопрос разоружения в основу европейской системы коллективной безопасности, установленной в значительной степени договорами 8 (20) ноября 1815 года. Памятная записка российского правительства фиксирует состояние переговоров по уменьшению войск и вооружений и предлагает другим державам поддержать предложения России, как часть миротворческого процесса в Европе, на самом высоком уровне — в конкретных мерах и при обсуждении соглашений по разоружению на следующем конгрессе.

Сведения из записи дополняет депеша Нессельроде, отправленная в тот же день послу в Париже генералу Поццо ди Борго. В ней говорится, что император отложил выработку условий о всеобщем разоружении до «до того времени, когда Франция будет предоставлена самой себе» [\[31, с. 575\]](#). Нессельроде вводит вопрос уменьшения армий и вооружений в контекст «великого общего интереса» по восстановлению европейского равновесия, которое гарантирует права наций. Это также подтверждает представление императора Александра о разоружении, как о части системы мира и успокоения в Европе, которое должно было окончательно наступить с выводом союзных войск из Франции. Прекращению оккупации французских территорий был посвящен Аахенский конгресс 1818 года, ставший первым собранием монархов и их представителей после предложений России по разоружению. Ни при подготовке, ни в ходе этого конгресса вопрос разоружения великими державами официально не затрагивался. Фокус обсуждений был смещен к военным силам и не военными мерам, гарантирующим безопасность Европы после вывода войск из Франции. Во внутренней российской делопроизводственной документации, к которой относится доклад министерства иностранных дел России императору Александру 24 июня 1818 года, переписка с российскими послами в Вене, Лондоне и Париже, циркулярные депеши и доклады графа Каподистрии царю в ходе конгресса и после его завершения тема разоружения не поднималась.

Дальнейшие действия английских дипломатов показали их недоверие к миролюбивой позиции императора, а также стремление получить военно-тактические сведения о размерах и дислокации вооруженных сил России. Кроме того, лорд Каслри переслал копии письма императора Александра и ответа британского правительства английскому послу в Вене, чтобы тот проинформировал австрийское правительство о состоявшихся переговорах. Князь Меттерних поддержал точку зрения Англии и «заявил, что Австрия не станет отчитываться перед союзниками о численности, дееспособности и вооруженности своей армии» [\[32, с. 14\]](#). Также австрийское правительство продолжала внимательно отслеживать состояние российской армии, в которой оно видело для себя угрозу. В связи с этим в 1816 году император Александр отправил одного из самых активных специальных агентов по вопросам внешней политики, своего приближенного генерала-адъютанта А. И. Чернышева в Вену ко двору австрийского императора, чтобы «успокоить венский двор, касательно опасения, обнаруженного им насчет многочисленной» [\[33, с. 137\]](#) армии России. Формальным поводом для визита специального посла послужила смерть австрийской императрицы и соболезнования русского императора, который должен был передать Чернышев. В течение восьми месяцев, общаясь с императором Францем и князем Меттернихом, он разъяснял намерения императора Александра своим могуществом охранять установленный европейский порядок, а не угрожать кому-либо. В качестве аргументов Чернышев использовал отмену рекрутского набора в России в 1816 году, расформирование 6-го корпуса, необходимость размещения войск по огромной протяженности границ [\[33, с. 336\]](#) и особенность российской государственной системы [\[26, с. 3\]](#).

Даже предпринятые императором Александром меры по сокращению численности армии не успокоили союзников окончательно. В результате российская идея по всеобщему пропорциональному разоружению не была реализована из-за недоверия и опасения со стороны других великих держав. В декабре 1816 года французский посол в Санкт-Петербурге передавал слова Александра I о том, что России «необходимо держать на своих границах сильную наблюдательную [обсервационную] армию, пока не будут упрочены все договоренности между четырьмя союзными державами. Он даже сказал, что его интерес к Франции укрепил принятые им решения не разоружаться» [\[31, с. 712-713\]](#). Таким образом от идеи о разоружении император перешел к мыслям о необходимости держать войска наготове, в том числе армию, способную активно действовать за пределами Российской империи.

В этом контексте интерес вызывает депеша посла в Лондоне графа Ливена от 6 мая 1818 году, в которой он сообщает о желании английского правительства после вывода союзных войск из Франции создать наблюдательную армию в Европе, чтобы защититься от угрожающих ей бедствий. Обсуждая в «сугубо личном» разговоре с министром иностранных дел Англии лордом Каслри вывод армии, дипломаты отмечали, что с этим событием ослабают связывающие союзников узы, и союз утратит определенную цель. Лорд Каслри не захотел продолжать этот разговор, однако граф Ливен в депеше развил свою мысль в депеше Нессельроде. Способом укрепления связей союза посол считал создание наблюдательной армии, проект которой рассматривают правительства, поскольку это активизировало бы дипломатическое общение государств и способствовало сплоченности союза. В то же время, граф Ливен предостерегал своего адресанта от доверия к Англии, которая стремится обеспечить сдерживание России, могущество которой «беспокоит Европу» [\[34, с. 370\]](#), несмотря на проводимую российским правительством политику.

Роль российской армии во внешней политике в 1818-1825 годах.

В январе 1817 года союзники договорились сократить оккупационную армию во Франции [25, с. 41-45]. Этому предшествовали соответствующие просьбы французского правительства, стремившегося уменьшить финансовое обременение своей страны, а также консультации и дипломатические переговоры союзников. Несмотря на опасения относительно состояния Франции, император Александр поддержал вывод части оккупационных войск, в том числе нескольких тысяч русских солдат. Вопрос об окончательном выводе союзных сил по окончанию трехлетнего срока был рассмотрен в ходе конгресса в Аахене осенью 1818 года.

Аахенский конгресс имел значение конгресса вечного мира, поскольку он должен был завершить возвращение Европы к постоянному мирному и равноправному существованию. В течение трех лет после победы над Наполеоном ни одно значимое происшествие не нарушало покой европейских государств, риторика дипломатов разных стран была сосредоточена на вопросах укрепления безопасности, рассматривался вопрос разоружения, стремительно и широко продвигалось присоединение монархов к Священному союзу в 1816-1817 годах. Исключением был конфликт Испании и Португалии вокруг колоний в Южной Америке, активная часть которого происходила в Новом свете и потому существенно не тревожило спокойствие Европы. Единственной не демилитаризованной и не равноправной частью европейского континента оставалась Франция, которая воспринималась как угроза, и на территории которой находились союзные войска. Конгресс в Аахене должен был завершить формирование европейской политической системы, устранив из нее неравноправие Франции и вернув ей статус великой державы и доказательство доверия со стороны прочих государств.

Согласно русско-французской конвенции от 27 сентября 1818 года русский экспедиционный корпус должен был покинуть Францию в течение полутора месяцев [35, с. 302-305]. А 3 ноября был подписан протокол, в котором провозглашалось (1) «дружба и единодушие», основанные на узах «неразрывных христианского братства» [35, с. 312]; (2) нацеленность держав на «сохранение общего мира, посредством строгого уважение к обязанностям постановленными трактатами и ко всем правам от оных проистекающими» [35, с. 312-313]; (3) присоединение Франции к остальным европейским странам; (4) возможность проведения конгрессов в будущем. Последний пункт протокола был связан с его публикацией при всех европейских дворах.

Одновременно с этим публичной декларацией союзные страны подписали секретный протокол, подтвердивший обязательства и условия договора о Четверном союзе 8 (20) ноября 1815 года. Причем в нем отдельно подчеркивалось отождествление мирных отношений Европы и Франции с существованием в ней восстановленной конституционной монархии. В протоколе упоминается *casus foederis et belli* с отсылкой к договору 8 (20) ноября.

Помимо публичных и непубличных соглашений и деклараций союз мира был скреплен особой репрезентацией единства монархов и их армий. В годовщину «битвы народов» при Лейпциге 6 (18) октября состоялся военный парад и торжественное богослужение по протестантскому обряду. В нем участвовали только три пехотных батальона и один эскадрон гусар в сопровождении артиллерии. Все три монарха были одеты в прусские мундиры, австрийский император надел русские ордена, император Александр — австрийские награды, а прусский король имел на себе знаки австрийских и русских орденов [36, с. 28]. Богослужение символизировало возобновление Священного союза в

том виде, который изначально задумывал император Александр, поскольку в нем участвовали монархи, солдаты и народ — все три субъекта, которых упомянул царь в проекте Акта о Священном союзе [\[37\]](#). Единство военной униформы монархов отсыпало к их союзу и обязательствам совместных военных действий против угрозы миру в Европе. Это также напоминает об изначальном замысле царя о восприятии союзных армий, как единого войска. Кульминацией богослужения стало совместное единое рукопожатие трех монархов, стоящих на возвышенности перед алтарем на виду у собравшихся сановников, войск и народа. Такой жест символизировал обновление клятвы монархов и их личную ответственность за поддержание европейского мира и благоденствия [\[18, с. 151\]](#). Русская армия не фигурировала в этом параде, однако одна из прибывших на конгресс гренадерских рот прусской королевской гвардии относилась к полку, над которым шефствовал император Александр (еще одна рота была из прусского полка императора Франца) [\[36, с. 7\]](#).

По итогу Аахенского конгресса в 1818 году русская армия вышла из Европы, однако опасения европейских держав и ощущения угрозы со стороны дислоцированных в Польше войск сохранились. Наблюдательная (обсервационная) армия России в польском выступе «нависает» над Европой и остается в постоянной моральной и военно-тактической готовности вновь вернуться в западные страны [\[26, с. 33\]](#). Рассуждения императора и русских дипломатов о мире создают контекст, обуславливающий такую возможность и даже необходимость в случае масштабных потрясений и революций. Новшеством внешнеполитической концепции царя становится его готовность отправлять армию в другие страны при возникновении революционных настроений и волнений ради поддержания мира. Реагируя на угрозы европейскому миру и спокойствию, он вновь предлагает создать общую союзную армию, в качестве которой предлагает свои войска. Тем самым император Александр не расширял свое военное присутствие в Европе, не увеличивал политический вес России и не стремился к завоеваниям. Он видел свой союзнический и братский долг, подкрепленный опытом освобождения Европы в ходе Завоевательных походов, в том, чтобы оберегать достижения мирных соглашений и спокойствие других держав. Армия Российской империи должна была создавать условия для долгосрочного надежного мира, в том числе, в силу своего превосходства над вооруженными силами любой другой страны.

Император Александр считал, что внутренние потрясения в европейских странах, такие как испанская революция, могут привести к развязыванию захватнических войн, как это случилось после Французской революции. Также существовала опасность, что внутренняя нестабильность может распространяться от одного государства к другому и «заразить» всю Европу революционным духом. Спасти мир от новых потрясений и конфликтов могла только Россия и ее союзники.

В 1819 году ушел в отставку французский премьер-министр герцог А. Э. Ришелье, а новый состав правительства, по мнению императора, не отвечал нуждам Франции и склонялся в сторону революционных идей. Тем самым возникла угроза революционных волнений или кризиса во Франции и последующей опасности для всей Европы. В связи с этим российский кабинет разослал правительствам Австрии, Великобритании и Пруссии памятную записку со своим мнением и планами. В этом документе сообщается, что, если «Франция вновь навлечет на свою территорию поход вооружившейся Европы, ... император выступит в поход вместе с другими государствами» [\[38, с. 171\]](#), хоть и будет считать печальным такой ход событий. Русская армия была готова повторить марш на Париж при рецидиве революционной угрозы со стороны Франции.

Символические действия 1814-1818 года — богослужение в Париже, смотр русской армии в Верту, рукопожатие союзных монархов в Аахене — служили публичной демонстрацией существования и принципов братского и христианского союза европейских государей, их стремления оберегать мир в Европе и существования военных сил, способных противостоять угрозам безопасности. Причем основа, как общих действий монархов, так и, в частности, сильнейшей русской армии, была религиозной и тесно связанной с принципами христианского универсализма и мессианско-эсхатологическими представлениями мистиков этого времени. За этими актами публичной презентации последовало формулирование принципов и порядка применения военных сил союза в действии, когда Европа оказалась перед лицом революционной угрозе, живо воскресившей в памяти современников воспоминания о французской революции и последовавшем за ней длительном периоде войн с участием большинства европейских стран.

В ходе конгресса в Троппау формулируется и принимается большинством союзников принцип функционирования армии, как миротворческой силы. Причем этот принцип рассматривается уже применительно не только ко Франции, но и к любому государству, которое оказывается под властью революционеров. Так называемый, «предварительный» протокол 7 (19) ноября, в котором говорится об интервенции, представляет собой главный феномен и парадокс войны ради мира. Протокол содержит четкое решение относительно возможности применения военных сил союза. В нем говорится о том, что (1) страны, подвергшиеся вследствие революции изменениям, последствия которых угрожают другим государствам, не считаются частью европейского союза и (2) произошедшие в них незаконные изменения не признаются. Наибольшее значение имеет третий пункт протокола, согласно которому союзные державы обязуются употребить «дружественные усилия, а затем принудительную силу, если употребление этой силы оказалось бы неизбежным» [\[25, с. 283\]](#), в том случае, если охваченные революционными переменами страны будут представлять опасность для соседей. Таким образом принципиально санкционируется применение силы для поддержания спокойствия. Вторая часть протокола посвящена практическому применению принципов интервенции в случае с Неаполитанским королевством. Подчеркивая уважение к законной власти и стремление вернуть ей силу и значение, союзники принимают решение использовать австрийскую армию «от имени держав договаривающихся или приступивших к настоящему акту» [\[25, с. 284\]](#) и при участии их уполномоченных представителей для временной оккупации. Единственной целью введения войск названо возвращение свободы «королю и нации», обеспечение возможности для королевской власти укрепить государственный строй и предохранить его от новых революций, обеспечить спокойствие и благоденствие народа. Следует отметить, что в представлении русских дипломатов, решения конгресса в Троппау не вводили новые принципы, а только указывали правильное применение тех принципов, которые применялись в 1815 году в отношении Франции и были закреплены в договорах [\[38, с. 530\]](#).

В переговорах на конгрессе австрийская армия, которую Австрия планировала ввести в Италию, рассматривалась, как «общеевропейская» союзная армия [\[38, с. 571\]](#). Это было воплощением идеи императора Александра о коллективном характере принимаемых мер и совместном воздействии, и это было выгодно австрийскому правительству, которое снимало с себя персональную ответственность за вооруженное вмешательства в дела другой страны. «Австрийская армия, именуемая европейской» [\[38, с. 572\]](#) должна была остаться и в качестве оккупационной. Таким образом устанавливался общеприменительный порядок борьбы с революционными потрясениями и их

последствиями, одним из способов которой были военные действия. Все эти предложения вполне разделяли и поддерживали российские дипломаты, выполнявшие волю царя.

Уже совсем вскоре в начале 1821 года император Александр предлагал ввести в Европу русскую армию в качестве миротворческих сил и для поддержки Австрии. К этому времени австрийцы успешно продвигались к Неаполю, выполняя роль союзной общеевропейской армии, действия которой были санкционированы конгрессом и связанны с запрошенной неаполитанским королем поддержкой. Неожиданно для всей Европы в Пьемонте в ночь на 26 февраля (10 марта) вспыхнуло восстание, а 1 (13) марта король Виктор Эммануил I отрекся от престола и бежал из Турине. По словам князя К. Меттерниха, уже 28 февраля (12 марта) он получил информацию о революции и в тот же день [\[39, с. 76\]](#) российский и австрийский императоры, находившиеся в Лайбахе после официального завершения конгресса, договорились ускорить продвижение австрийских сил возле Неаполя, отправить в Италию еще 80 тысяч солдат из центральной части Австрии и провести через австрийскую территорию девяностотысячную русскую армию [\[40, с. 434\]](#). Эти приказы были составлены и разосланы к двенадцати часам того же дня.

Для военного похода против революции в Неаполе и Пьемонте был вызван наместник Кавказа генерал А. П. Ермолов и сформирована стотысячная [\[41, с. 371\]](#) экспедиционная 3-я армия в составе нескольких пехотных и кавалерийских корпусов [\[42, с. 54\]](#). При этом, по словам князя П. М. Вяземского наибольшее беспокойство во время итальянских революций вновь вызывало состояние Франции [\[42, с. 54-55\]](#), спокойствие которой также должны были гарантировать русские войска. Они должны были в короткий срок провести перегруппировку и выступить в Италию через территорию Австрии, причем министру финансов было предписано не жалеть денег для снаряжения армии, хотя расходы были очень крупными [\[42, с. 54, 61-62\]](#). В состав экспедиционных сил были включены и столичные гвардейские полки, чтобы после волнений в Семеновском полку «натянуть ослабевшие струны военной дисциплины» [\[43, с. 21\]](#). Эти части выступили в поход в апреле 1821 года и дошли до Витебской губернии.

В скором времени стало ясно, что австрийские силы успешно и без существенных затруднений подавили революции в Неаполе и Пьемонте, а Франция никак не участвовала в этих волнениях. Поэтому распоряжения, касающиеся Ермолова и армии были отменены накануне вступления австрийцев в Турин указом от 9 (21) апреля командующему литовским корпусом великому князю Константину Павловичу [\[44, с. 108\]](#). В этом указе также говорилось о том, что приготовившиеся к движению войска должны были сохранить купленных для похода лошадей, а вторые батальоны и запасные эскадроны т.е. дополнительные силы основных подразделений должны были остаться при своих полках. Таким образом русская армия на западных границах оставалась в готовности к походу.

Спустя год в мае 1822 года перед Веронским конгрессом, который должен был рассмотреть ситуацию с испанской революцией, австрийский посол граф Лебцельтерн сообщал в Вену, что император Александр рассматривал возможность «похода через всю Австрийскую монархию, Ломбардию и юг Франции сорока тысяч человек в Испанию, чтобы сражаться и убить там революцию» [\[26, с. 93\]](#). Как и в случае с итальянскими революциями царь собирался воспользоваться союзными и дружескими отношениями с императором Австрии, чтобы провести свои войска к Пиренейскому полуострову.

Лебцельтерн предполагал, что намерения царя укрепили слова императора Франца, российскому посланнику в Вене Д. П. Татищеву о том, что было бы достаточно двадцати пяти тысяч русских солдат для проведения военной операции против испанских революционеров. Впрочем, в донесениях Татищева не упоминаются даже переговоры об испанской революции, поэтому сведения Лебцельтерна относятся, скорее, к слухам, отражавшим представления дипломатов при российском дворе.

В 1822 году на Веронском конгрессе разговаривая с герцогом Веллингтоном Александр I вновь упомянул, что Россия могла бы ввести свои войска в Испанию для борьбы с революцией. Причем на справедливое на возражение со стороны Веллингтона о том, что Франция не пропустит русские армии, царь ответил, что «может отправить их морем» [\[45, р. 67\]](#). Это возражение императора отражает скорее его настойчивость и горячее желание деятельно участвовать в подавлении испанской революции, чем реальные возможности русского флота [\[46\]](#). После конгресса в Вероне император Александр через своего посла в Париже Поццо-ди Борго и в разговоре с французским послом в Санкт-Петербурге графом Ферроне неоднократно предлагал Франции военную поддержку против революционного режима в Испании. Хотя эти планы не были реализованы, в Париже ходили слухи о намерении отправить двести тысяч русских солдат в Испанию через территорию Франции [\[47, с. 618\]](#).

Успешная военная операция французской армии под командованием герцога Ангулемского вызвала восторг императора. Он писал об этом французским дипломатам и отправил российские ордена отличившимся военачальникам Франции. Единственное сожаление, которое высказывал Александр I заключалось в том, что сам «он не отправил 80 000 человек в путь, чтобы лучше использовать свое влияние в Париже и поддержать там правую партию» [\[26, с. 124\]](#). Идея поддержания мира была ключевой для императора, он видел свой долг в этом и считал себя обязанным использовать доступные ему силы для борьбы с угрозами европейскому спокойствию. Русская армия в его представлении, как и во время Заграничных походов 1813-1814 годов стояла на страже мира в Европе, поэтому неучастие в борьбе с революцией он воспринимал с сожалением.

Отдельного упоминания заслуживает российские отношения с Османской Портой. Несмотря на последовательные попытки Александра мирным путем решить противоречия с турками, военные силы России на юге империи служили важнейшим аргументом, который принимали во внимание великие державы и сама Порта. Ближайший советник императора Александра граф И. Каподистрия неоднократно предлагал царю с помощью военной силы добиться от турок выполнения условий Бухарестского договора 1812 года и заставить их прекратить жестокое уничтожение и притеснение христианских народов на Балканах. Однако царь придерживался принципиальной позиции и, несмотря на то что уже к 1821 году было известно, что русская «армия готова и только ждет сигнала» [\[26, с. 79\]](#) для похода на Турцию. В том же году в разговоре с императором Александром граф И. Каподистрия, развивая мысли самого царя, предположил, что революционеры могут попытаться свергнуть какое-то из европейских правительств и оно обратится за помощью к России. То есть в представлении императора русские войска должны быть наготове на случай необходимости отразить революционную угрозу в Европе. Опасно вступать в войну с Турцией, поскольку военные действия отвлекут большое количество сил и их будет недостаточно для оперативной помощи европейским странам. Несмотря на возражения Каподистрии о том, что у Российской империи достаточно сил для ведения военных действий одновременно на разных направлениях, ему не удалось убедить

Александра I объявить войну и провести военные демонстрации для давления на Турцию.

Как уже говорилось, целью императора Александра было формирование системы коллективной безопасности для установления вечного мира. Для его достижения царь предлагал концепцию союза, в основе которого лежит принцип братства монархов. По мнению императора решение всей спорных вопросов можно было осуществить с помощью коллективного невоенного воздействия — изоляции страны, нарушившей общепринятые международные договоренности. Такое предложение сформулировал граф Каподистрия при подготовке к международным конгрессам. Однако со временем концепция императора Александра претерпела изменения. Вспыхнувшие в Италии, Испании, Греции революции, волнения и борьба за независимость колоний в Новом Свете, беспорядки в Германии, опасения за стабильность внутренней обстановки во Франции доказали несостоятельность идеи уменьшения или уничтожения вооруженных сил.

После начала революций император Александр в ряде высказываний и политических документов сформулировал принципы применения силы против революционной опасности. Во-первых, вооруженное вмешательство в дела другой страны должно производиться исключительно по просьбе ее монарха. Во-вторых, санкция на такие действия должна иметь коллективный характер, то есть решение об интервенции принимается союзом государств, а не единолично. Поэтому непосредственно выполняющая военные действия армия является общесоюзной европейской армией. В-третьих, вооруженные действия не должны иметь характера войны со страной или нацией, они направлены только против революции. В-четвертых, по окончании боевых действий армия должна обеспечить безопасность монарха и спокойствие страны, что означало временную оккупацию. Российские дипломаты продвигали эти принципы в 1820–1822 годах в связи с обсуждением на конгрессах в Троппау, Лайбахе и Вероне итальянских и испанских революций, а также военных вторжений в страны, охваченные волнениями.

Итак, во внешней политике императора Александра красной линией проходит стремление к установлению длительного мира в Европе и отказа от конфликтов. В начале его правления достичь этой цели царь рассчитывал с помощью союза двух сильнейших европейских государств России и Англии. После победы над Наполеоном император Александр предложил ряд инициатив, направленных на предотвращение войн, в том числе всеобщее пропорциональное разоружение и союз стран. Миротворческие устремления царя сочетались с его готовностью активно использовать сильнейшую в Европе российскую армию для поддержания европейского спокойствия.

Библиография

1. Гальберштадт Л. И. Внешняя политика России в царствование императора Александра I. / Три века: Россия от Смуты до нашего времени: В 6 т. Т. 5. М.: Юнвес, 2006.
2. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801-1914: в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801-1825. М.: Кучково поле, 2017.
3. Чернов С. Л. "Мистицизм" Александра I // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 17-26. DOI: 10.26105/SSPU.2020.22.33.001 EDN: UVZHJO.
4. Pirenne J.-H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. Neuchâtel, 1946.
5. Андреев А. Ю. Российский самодержец в поисках долговечного мира. Европейский

- проект Александра I // Россия и Европа: далекие и близкие. Германо-российский сборник статей об исторических связях России и Европы / отв. ред. К. Бёр. М.: "Кучково поле", 2020. С. 133-160.
6. Виртшафтер Э. К. От победы к миру: русская дипломатия после Наполеона. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2023.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая. 1801-1815. Т. II. М.: Издательство политической литературы, 1961.
8. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
9. Рассказы князя Александра Николаевича Голицына, записанные Юрием Никитичем Бартеневым // Русский архив. 1886. Кн. 2. № 5. С. 305-333.
10. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789-1848 // Русская старина. 1874. Т. 11. Вып. 12. С. 411-450.
11. Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811-1816 г. Т. II. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1913.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. XXXIII.
13. Шильдер Н. К. Император Александр I: его жизнь и царствование. Т. IV. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1897.
14. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. V. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1871.
15. Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания: Из записок 1815 года. СПб.: тип. А. Смирдина, 1831.
16. Madame la Comtesse de Choiseul-Gouffier. Historical Memoirs of the Emperor Alexander I. and The Court of Russia. Chicago: A. C. McClurg & Co, 1901.
17. Hantraye J. Le camp de Vertus: un épisode révélateur des relations entre la Russie et les autres puissances européennes, septembre 1815 // Revue des études slaves. 2012. Т. 83(4). р. 1023-1033.
18. Андреев А. Ю. "Литургики" Священного союза: к вопросу о религиозных взглядах Александра I // Филаретовский альманах. 2016. Вып. 12. С. 123-154. EDN: YWYRJJ.
19. Крюденер Б. Ю. Лагерь при Верту. (С французского.). СПб: в Медицинской типографии, 1815.
20. E. H. L. [Empaytaz H.-L.] Notice sur Alexandre, Empereur de Russie. Genève, 1828.
21. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая. 1801-1815. Т. VIII. М.: Издательство политической литературы, 1972.
22. Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов Венской тайной полиции // Русская старина. Т. 157. Январь - февраль - март 1914. С. 135-145.
23. Болт В. С. История русского экспедиционного корпуса во Франции в 1815-1818 гг.: правовой и военно-антропологический аспекты. / дис. на соиск. уч. степ. кандидата исторических наук. М., 2021.
24. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. Т. XIV. Трактаты с Францией, 1807-1820. СПб.: А. Бенке, 1905.
25. Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том IV. Часть 1. Трактаты с Австрией, 1815-1849. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения, 1878.
26. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816-1826 годы / Великий князь Николай Михайлович. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1913.
27. Переписка [дипломатических деятелей 1817-1818] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 119. СПб.: Государственная типография, 1904.

28. Schroeder P. W. *The Transformation of European Politics. 1763-1848*. Oxford, 1994.
29. Webster Ch. K. *The Foreign Policy of Castlereagh. 1815-1822*. L.: G.Bell and Sons Ltd., 1947.
30. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия вторая. 1825-1830. Т. IX. М.: Издательство политической литературы, 1974.
31. Переписка [дипломатических деятелей 1814-1816] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 112. СПб.: Государственная типография, 1901.
32. Гончарова О. В. "Для охранения спокойствия и благодеяния...": европейская политика России в посленаполеоновскую эпоху // Россия XXI. 2014. № 3. С. 6-33. EDN: SFPDBH.
33. Жизнеописание, всеподданейшие доклады и переписка князя Александра Ивановича Чернышева // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 122. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1905.
34. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия вторая. 1825-1830. Т. X. М.: Издательство политической литературы, 1976.
35. Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том VII. Трактаты с Германией, 1811-1824. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения, 1885.
36. Meyer K. F. Aachen, der Monarchen-Kongreß im Jahr 1818. Aachen, 1819.
37. Kirchinger J. Liturgie als Vorbild: Die performative Visualisierung der Heiligen Allianz auf den Monarchenkongressen des frühen 19. Jahrhunderts // Die Heilige Allianz. Entstehung - Wirkung - Rezeption. Hrsg. von Anselm Schubert und Wolfram Pyta. Stuttgart: Kohlhammer, 2018. Р. 154-181.
38. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия вторая. 1825-1830. Т. XI. М.: "Наука", 1976.
39. Aus dem Nachlasse Friedrichs von Gentz. Band 1. Briefe, kleinere Aufsätze, Auszeichnungen. Wien: Carl Gerold & Sohn, 1867.
40. Metternich's Nachgelassenen Papieren. Bd. 3. Wien: Braumüller, 1882.
41. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826 гг. М.: Высшая школа, 1991.
42. Письма князя Петра Михайловича Волконского к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 3 марта 1821 г. Лайбах // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890.
43. Розен А. Е. Записки декабриста. СПб.: Общественная польза, 1907.
44. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия вторая. 1825-1830. Т. XII. М.: "Наука", 1980.
45. Greville Ch. C. F. *The Greville Memoirs, 1814-1860* / Ed. by H. Reeve. Vol. 1. L.: Longman, Green & C°, 1875.
46. Исэров А. А. Священный союз, Новый Свет и происхождение доктрины Монро // 200-летие Венского конгресса и его значение для современных международных отношений: материалы Международной научной школы молодых ученых-историков, Москва, 9-13 ноября 2015 г. М.: Археодоксія - НКТ, 2016. С. 97-119.
47. Письма Ришелье // Императорского Русского исторического общества. Т. 54. СПб., 1886.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Александр I о роли русской армии в поддержании мира в Европе

в 1815–1825 гг.» является обширным и компетентным исследованием важного направления внешней политики Российской империи, а именно – усилий императора Александра I по созданию системы коллективной европейской безопасности в период после завершения наполеоновских войн. Автор справедливо указывает на противоречивые оценки этих усилий в отечественной историографии (и хотя автор не касается западной историографии, там это противоречие представлено еще в большей степени), отметим также что в принципе сюжеты послевоенного устройства Европы и места в ней России традиционно остаются в тени собственно наполеоновских войн. Хотя в заглавии временные границы исследования определены как 1814–1825 гг., автор относит формирование идеи постоянного мира к началу Александрового царствования и таким образом представляет ее как постоянную и, как показало время, несколько идеалистическую задачу, которую Александр I пытался решить в разное время разными способами. Источниковой базой работы является внушительный комплекс опубликованных документов, мемуарная литература и др. Содержательно работа состоит из нескольких частей: раздел «Образ и репрезентация российской армии в 1814–1815 годах» посвящен русскому воинскому контингенту в послевоенной Европе, представленному как инструмент поддержания европейского мира; определены правовые основы пребывания русских войск во Франции и трактовка Александром их возможного использования. «Проект всеобщего разоружения 1816 года» посвящен проекту европейского разоружения, представленному императором Александром в переписке с министром иностранных дел Великобритании, рассмотрены причины неудачи проекта (недоверие Великобритании и Австрии). В разделе «Роль российской армии во внешней политике в 1818–1825 годах» прослеживается судьба русского воинского контингента и миротворческих инициатив императора Александра в указанный период, включая вывод войск в 1818 г. и рассмотрение повторного вторжения в случае эскалации революционных событий во Франции, Италии и Испании. Автор указывает, что по итогам этих событий концепция императора по использованию вооруженных сил для обеспечения европейского мира претерпела изменения, а идея сокращения армии оказалась несвоевременной. Потребность в правовых ограничениях таких вооруженных вмешательств (вооруженное вмешательство в дела другой страны должно производиться исключительно по просьбе ее монарха, решение об интервенции принимается союзом государств, а не единолично, соответственно, выполняющая военные действия армия является общесоюзной европейской армией, вооруженные действия не направлены против страны или нации, но только против революции) приводит автора к обоснованному выводу об искреннем и постоянном стремлении императора к миру, а не к экспансии. Работе присуща продуманная структура, внятная аргументация, ясный стиль изложения. Тематика работы обретает особую значимость в текущей международной ситуации, вопросы постоянного европейского мира, использования военной силы для его поддержания, доверия между великими державами предстают столь же актуальными как и начале XIX века. Работа безусловно рекомендуется к публикации.